

ОТРИЦАНИЕ ЛИЧНОСТИ ("Записки из Мертвого дома" как литературная антиутопия)

© 1997 г. В. А. Недзвецкий

Автор предлагает новую трактовку тюремных записок Достоевского. Показано, что в устройстве русской каторги писатель увидел сходство с фурьеристской коммуной, где нет места личности.

The author offers a new outlook on the notes from the prison by Dostoevski, showing the fact that in the organization of the Russian penal servitude the writer discovered similarity to the commune of Fourier where there is no place for personality.

«Мой "Мертвый дом", – сообщал Достоевский в 1865 г. А.Е. Врангелю, – сделал буквально фурор, и я возобновил им свою литературную репутацию» [1, т. 28, кн. II, с. 115].

"Мертвый дом" – это "Записки из Мертвого дома" (1861), в которых Достоевский обрисовал Омскую каторжную тюрьму (острог), где, осужденный по делу русского фурьериста М.В. Буташевича-Петрашевского, провел четыре мучительных года. Сильнейшее впечатление, произведенное "Записками..." на читателя, было соразмерно успеху литературного дебюта их автора – романа "Бедные люди". "Записки..." высоко оценили И.С. Тургенев, А.И. Герцен, И.А. Гончаров, критики А.А. Григорьев, А.П. Милюков, М.А. Антонович, Д.И. Писарев; одним из самых оригинальных и глубоких созданий русской литературы считал их Л.Н. Толстой.

Если "сенсация" (А. Скабический), вызванная публикацией "Записок...", в немалой мере объяснялась самой их темой, то своим непреходящим значением они обязаны умению художника подчинить описательно-эмпирический аспект произведения концептуальному. Созданная при активном участии творческого домысла и вымысла картина Омской тюрьмы, проникнутая давней гуманистической идеей писателя о праве каждого человека быть личностью, в свою очередь целым рядом мотивов предвосхищала романы "Преступление и наказание", "Бесы", "Братья Карамазовы".

Это относится и к той ее содержательной стороне, которая пока не привлекла должного внимания исследователей. Между тем намек на нее заключен уже в заглавии произведения, где Омский острог – в реальности прогнившие казармы с "голыми нарами" [1, т. 28, кн. 1, с. 170] и несколько хозяйственных строений – именуется *домом*. "Станным домом", "Станным семейством", в котором новичка встречали "странные неожиданности" [1, т. 4, с. 11, 12, 19], каторга настойчиво упоминается затем в первой главе "За-

писок..." Перед нами, таким образом, не просто одно из жестоких исправительных учреждений. В изображении Достоевского – это и разновидность *социума*, форма *общественного устройства* людей. Собственно социальная организация каторги, ее воздействие на арестантов по мере развертывания произведения все заметнее выходят на передний план. Какой же странностью поразила или, скажем точнее, какую странность рассмотрел в этой организации недавний социальный мечтатель Достоевский? Но сначала о том, как в целом выглядит каторжная жизнь в "Записках..."

На долгом пути Достоевского из Петербурга в Сибирь грядущая каторга виделась ему непосильной, особенно для непривычного к ней дворянского интеллигента, физической работой, страшила чудовищными бытовыми условиями, скудной или несъедобной пищей. И представления эти, конечно, не расходились с истиной: такой – с изнурительным трудом в подземных "норах" и существованием в камерах – "темницах" (Пушкин) Петровского Завода¹ – сибирская тюрьма и впрямь была для декабристов.

Еще больше должна была угнетать писателя перспектива непрерывного четырехлетнего соседства с закоренелыми преступниками, быть может, патологическими насильниками и убийцами. Ведь в николаевской России, где любая политическая оппозиция самодержавию считалась государственным преступлением² петрашевцы не только фактически приравнивались к уголовни-

¹ "Подъезжая к Петровску, – вспоминала М.Н. Волконская, – я увидела громадную тюрьму под красною крышею. Она казалась мрачной: ни одного окна не выходило наружу; нас, значит не обманули, сказав, что тюрьма была без окон" [2, с. 332].

² Примечателен в этом свете афоризм М.С. Лунина, не участвовавшего, по его словам, "ни в мятежах, свойственных толпе, ни в заговорах, приличных рабам", и тем не менее приговоренного к пятнадцати годам каторги: "Теперь в официальных бумагах называют меня: государственный преступник, находящийся на поселении (...). В Англии сказали бы: Лунин, член оппозиции" [3, с. 6].